

Е.О. Кондратьева

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА: СЛОВО О ПУНКТУАЦИИ

Представлен алгоритм работы с пунктограммами в процессе перевода, разработанный на основе психолингвистической модели перевода значимости, благодаря которой можно избежать пунктуационной интерференции. Алгоритм предлагается для работы с английским и русским языками и раскрывается в двух направлениях: при переводе с английского на русский и переводе с русского на английский.

Ключевые слова: психолингвистический, моделирование процесса перевода, пунктуационная интерференция, перевод, пунктуация, пунктограмма.

The article offers an algorithm to use when dealing with punctuation arrangement in the translation process. The algorithm is based on the psycholinguistic significancy translation model and aims to avoid punctuation transfer in translation. The procedure is offered for English-Russian translations, with examples demonstrating how it works in English to Russian and Russian to English directions.

Keywords: psycholinguistic, punctuation transfer, translation, punctuation, punctuation arrangement.

Вводные замечания

Сегодня сложно говорить о недостатке в идеях о том, каким образом осуществляется процесс перевода, что в этот момент происходит в сознании переводчика и на какие этапы можно условно разделить переводческий процесс. Тем не менее, вопрос моделирования перевода не теряет своей актуальности.

Так, первой коммуникативной моделью перевода можно считать трехфазную модель О. Каде, которую отличало новое для своего времени системное представление деятельности переводчика [3, с. 126–128]. Интерес представляет интерпретативная модель Д. Селескович и М. Ледерер, которые призывали отталкиваться от языковой формы вглубь смыслового наполнения, оперируя в переводе не языковыми, а смысловыми единицами. В русле когнитивного направления действует модель А.Г. Минченкова, представляющего перевод как эвристический процесс вер-

бализации сформированной в сознании переводчика концептуальной структуры средствами переводящего языка (ПЯ). Автор подчеркивает нелинейность этапов перевода, их возможное параллельное протекание, вариативность перевода и самое главное – отсутствие прямых параллелей между языковыми единицами исходного текста (ИТ) и выбираемыми переводчиком средствами ПЯ, оперирование концептами и формирующимися на их основе смыслами [8, с. 8–10].

Пунктуационная интерференция в переводе

Говоря о моделировании процесса перевода, мы предлагаем обратить внимание на такую важную составляющую любого текста, как пунктуационные знаки. Наши исследования доказывают необходимость учета пунктуационных норм как неотъемлемой составляющей языковой компетенции при подготовке будущих переводчиков [6]. Пунктуационные знаки могут

не влиять на коммуникативную составляющую, на смысл высказывания, соответственно в таком случае пунктуационная интерференция не станет коммуникативной помехой. Например, обособление обстоятельства в начале русского предложения по аналогии с англоязычной структурой вряд ли придаст такому обстоятельству какое-то иное значение. Однако нередки случаи, когда смысл предложения может стать противоположным лишь из-за изменения знака препинания, особенно если контекст ограничен. Так, причинно-следственные отношения между частями следующего предложения (особенно в отсутствие контекста) раскрывают только знаки препинания:

Ср.: (1а) *Молодежь ушла – на вечеринке стало скучно.*

(1б) *Молодежь ушла: на вечеринке стало скучно.*

Конечно, не каждая пунктуационная ошибка может создать коммуникативную помеху, но это не умаляет ее значения с точки зрения нормированности текста и его четкой структурированности.

Зачастую ошибки при пунктуировании переводного текста связаны с интерференцией: переводчик просто переносит пунктограмму ИТ в переводной текст (ПТ), не задумываясь над тем, насколько принципиальной может быть разница в функционале одного и того же пунктуационного знака в разных языках. Представляется, что общепринятые положения относительно интерференции не распространяются в полной мере на пунктуационную интерференцию. Например, Ю.Ю. Дешериева считает, что «явление интерференции навыков и умений наблюдается только тогда, когда навыки и умения противопоставляются друг другу по критерию устойчивости. Если навыки и умения устойчивы, то интерференция не наблюдается. В таких случаях

говорят, что навыки и умения дифференцировались» (цит. по: [7, с. 54]). Однако это мнение не соотносится с нашими результатами: пунктуационная норма английского языка, которую переводчики-носители русского языка ранее даже не изучали целенаправленно, имеет значительное интерферирующее влияние на их сознание, несмотря на то, что основным правилам русской пунктуации уделяется вполне достаточно времени в школе.

Можно сказать, что в случае с пунктуацией происходит не дивергенция, а, наоборот, конвергенция двух систем, их слияние в одну на основе внешнего сходства. Возможно, внешняя идентичность форм знаков препинания в ПЯ и исходном языке (ИЯ) «настраивает» переводчика на ложное представление об идентичности их значений и функционирования. Так, опрос о роли пунктуации в переводе показал, что некоторые переводчики не видят необходимости в отдельном изучении пунктуационных норм иностранного языка ввиду их схожести с пунктуацией родного языка. Однако данное убеждение необоснованно: даже поверхностное сравнение, например, русской и американской (английской) пунктуации вскрывает их значительные расхождения. В этом отношении пунктуационные знаки можно соотнести с ложными друзьями переводчика.

Место пунктуации в семиозисе

При обучении пунктуации в школе мы затрагиваем лишь внешний слой, представляющий собой «кем-то придуманный» свод правил, за которыми обучающиеся не видят логики языка, не осознают, какие логические связи вскрывает поставленный на этом месте пунктуационный знак. Так они закономерно приходят к вопросу: «Почему я должен ставить здесь двоеточие?» – вместо того чтобы пытаться понять, зачем

здесь стоит именно этот знак. Между тем, если обратиться к последним исследованиям русской пунктуационной нормы, на современном этапе развития она тоже отходит от избыточной нормативности и при пунктуировании текста на первый план выходят его коммуникативный эффект и прагматика.

В связи с этим необходимо изучать, какие именно мыслительные процессы приводят к выбору того или иного пунктуационного знака, понять, какое место пунктуационные знаки занимают в индивидуальном семиозисе и как пунктуация связана с логикой мышления и изложения.

Л.С. Выготский писал: «Мысль всегда представляет собой нечто целое, значительно большее по своему протяжению и объему, чем отдельное слово» [1, с. 331]. Согласно П.П. Дашинимасовой, человек воспринимает сигнал извне в «пакетном режиме», т.е. не как набор отдельных элементов, а как целостную сущность, одновременно активируя разные составляющие семиозиса [3, с. 18]. Это относится и к восприятию письменного текста как знака из знаков, знака высокого уровня. Здесь согласимся с З.В. Демидовой в том, что все составляющие текста направлены на репрезентацию замысла и реализацию связей, ведущих к пониманию смыслов, а адекватность интерпретации «вытекает из средств, используемых автором в процессе порождения текста, и зависит от способности реципиента заметить, распознать эти знаки» [5, с. 70].

Пунктограмма как неотъемлемая часть текста обусловлена системным мышлением, представлением порожденной сознанием идеи во внешних телах языкового знака как чего-то цельного. В сознании переводчика взятая пунктограмма должна возбуждать адекватную систему отношений, которые он затем должен адекватно

передать в знаках другого языка. В этом смысле необходимо обучать будущих специалистов когнитивным механизмам обработки получаемой информации, увязывая пунктуирование с логикой мышления и изложения.

Разберемся со следующим примером. Фразу:

(2a) *If symptoms of severe allergic reactions occur, immediately discontinue administration of the study drug and provide appropriate supportive care*

можно представить в следующем виде:

(2b) *Immediately discontinue administration of the study drug and provide appropriate supportive care if symptoms of severe allergic reactions occur.*

Носителю русского языка не сразу становится понятно, почему при перестановке частей сложноподчиненного предложения вдруг исчезла запятая. Известно, что в английском языке ядро высказывания обычно выносится в начало предложения, как это сделано во втором варианте. Поскольку в первом варианте основная информация расположена в конце предложения, запятая, стоящая перед ней, подсказывает читателю, что все, находящееся перед этой запятой, хотя и содержит значимую информацию, но только предваряет ядро высказывания. Если информация в подчиненной части менее значима, она располагается в таком предложении после главной части, а запятая становится факультативной (из беседы с преподавателем английского языка как иностранного (ESL) Х.-Э. Харр, 9 марта 2018 года). Однажды, поняв логику постановки (и отсутствия) запятой в таких конструкциях, переводчик перестанет сомневаться в их пунктуировании. Что касается перевода этих вариантов высказывания на русский язык, здесь мы должны соответствующим образом располагать информацию по степени ее значимости:

(2в) Немедленно прекратите введение исследуемого препарата и обеспечьте надлежащее поддерживающее лечение, если у пациента проявятся симптомы тяжелой аллергической реакции – перевод первого варианта фразы;

(2г) При появлении симптомов тяжелой аллергической реакции немедленно прекратите введение исследуемого препарата и обеспечьте надлежащее поддерживающее лечение – перевод второго варианта.

Одним из факторов интерференции на уровне пунктуации можно считать неумение распознавать пунктуационные знаки в конкретном контексте.

В рамках теории значения Ч.С. Пирса знаки препинания можно отнести к знакам-символам, которые обладают следующими особенностями:

- это репрезентамены, репрезентативный характер которых заключается в том, что они являются правилами, определяющими соответствующие интерпретанты;
- это конвенциональные знаки, зависящие от привычки (приобретенной или врожденной);
- это знаки, которые утратили бы свое свойство при отсутствии интерпретанты: их значимость обусловлена только тем, что их понимают как имеющие именно такую значимость [9, с. 212–213, 215, 219].

Согласно У. Эко, человек окружен кодами самого разного характера и его задача состоит в освоении этих кодов. Можно сказать, что социализация человека – возможность соотносить его с носителями той или иной «идеологии» (в терминологии У. Эко) – исходит из освоения окружающих его кодов. Индивид может сообщить свои внутренние мысли только социализуя их – сводя их в систему условных знаков [10, с. 137]. Соответственно, и знак не может быть индивидуальным: залогом его существования является принятая коллективом

конвенция, знак должен наводить на определенные коннотации, соответствующие устоявшимся в данном сообществе [10, с. 140]. Не менее важно то, что разные сообщества могут пользоваться одними и теми же знаками, но наполнять их совершенно разным значением, задавать разные коннотации в соответствии со своей «идеологией». Следовательно, тот, кто неправильно интерпретирует код, не способен равноправно участвовать в «кодовой игре» данного сообщества [4, с. 104].

Рассматривая пунктуационную систему как разновидность таких кодов, можно сказать, что человек может постольку интерпретировать прочитанное, поскольку он, помимо владения языком, на котором написан текст, умеет верно раскодировать употребленные в нем знаки препинания в соответствии с принятой в рамках данного языка конвенцией. Разумеется, умение раскодировать знаки препинания подразумевает умение оперировать ими при создании письменного материала.

Приведем пример из практики редактирования и вычитки переводов:

(3а) *However, this discomfort should be eased by the fact that all the personal data you provided is kept confidential and safeguarded in accordance with data protection law.* – Однако степень такого неудобства будет уменьшена благодаря тому факту, что все предоставленные вами персональные данные останутся конфиденциальными и будут защищены в соответствии с законодательством о защите данных.

Известно, что при переводе на русский язык объем текста увеличивается по сравнению с английским оригиналом, что не всегда устраивает заказчика. В этом примере можно было немного сократить фразу, если бы в сознании переводчика была отработанная, автоматизированная система оперирования знаками препинания в со-

ответствии с их функциями и значениями, ведь смысл сочетания *by the fact that* (выражение отношений между двумя частями высказывания вида «утверждение – пояснение утверждения») можно было передать одним лишь двоеточием:

(Зб) Но мы можем несколько сгладить это неудобство: все предоставленные вами персональные данные останутся конфиденциальными и будут защищены в соответствии с законом о персональных данных.

Таким образом, пунктуационный знак – это символ, наделенный определенными значениями-регуляторами, установленными в соответствии с принятой в этом сообществе конвенцией. Он приобретает именно те значения и функции, которые для него определены в пределах данного языка и которые, вне зависимости от схожести формы, необязательно будут идентичны в системе другого языка.

Предполагается, что, как всякий символ, пунктуационный знак (как и его отсутствие) должен возбуждать в сознании определенные смыслы, задавая всей мысли нужное направление.

Алгоритм пунктуирования на основе ПЛМЛЗ

При построении алгоритма работы с пунктуацией, во избежание интерференции, мы решили опираться на психолингвистическую модель перевода значимости (ПЛМПЗ), предложенную П.П. Дашини-маевой [2]. Согласно этой модели, процесс перевода можно представить в трех этапах ментально-интерпретативных процессов:

- первичное восприятие ИТ;
- декодирование его значимости;
- представление спрогнозированной значимости в знаках ПЯ [там же, с. 188].

Оговоримся, что в качестве исходного правила переводчик должен принять табу

на пословный перевод отдельных фраз как неких элементов с какой-то связью между собой по умолчанию: логика языков разнится, актуальное членение ПТ на внутренние составляющие не может и не должно полностью совпадать с таковым в ИТ. Вместе с тем переводчик не выдает текст из нескольких тысяч слов разом как некий цельный, не делимый на составляющие коррелят ИТ: после анализа полученного оригинала переводчик приступает к последовательному (и не очень) переводу его частей, фрагмент за фрагментом. Размер и границы этих фрагментов он определяет сам.

Интересно, что в сторону фрагментарного перевода современного (чаще начинающего) переводчика подталкивает интерфейс САТ-средств, без которых сегодня практически немыслимо наше ремесло: программа автоматизированного перевода делит текст на минимальные его отрезки, чаще всего предложения. Перед переводчиком предстает уже не текст как нечто цельное, а таблица с отдельными элементами, напротив которых нужно вставлять их соответствия. В итоге перевод часто сводится к подсчету уже заполненных из памяти ячеек и наполнению текстом оставшихся, т.е. поочередному переводу отдельных предложений. Эта практика ни в коем случае не должна восприниматься как норма, каждому переводчику необходимо бороться с подобным стремлением к механическому заполнению пустот.

Итак, после первичного восприятия и понимания ИТ, его анализа, переводчик приступает к декодированию его значимости и формированию ее версии для последующего воспроизведения на ПЯ.

Опишем место, которое в процессе перевода, согласно ПЛМПЗ, способна занимать пунктуация. Работу с пунктуационной составляющей текста в процессе

перевода можно представить следующим образом:

1. *Подэтап определения естественной рецептивной версии исходного смысла.* Переводчик формирует значимость-Я, исходя из собственных сенсорно-модально-аффективных параметров. На этом шаге мы предлагаем рассматривать пунктограмму как некую логическую, дотекстовую структуру, лишенную предметного смысла и содержащую только канву взаимоотношений между отдельными элементами высказывания, которые могут представлять собой как отдельные слова, так и простые предложения.

2. *Определение искусственной значимости-1 с учетом адресанта.* Согласимся с П.П. Дашинимасовой в том, что переводчик должен уметь корректировать естественное и хаотичное направление своей мысли, ставя перед собой задачу осмыслить воспринятое с позиций адресанта. На данном подэтапе предлагаем преобразовывать воспринятые в рабочем фрагменте отношения между его частями в некую логическую структуру. Так, исходную английскую фразу:

(4) *In this "Venice of the North", you're never far from the water – one-third of its area is made up of waterways*

можно представить в виде следующей логограммы (от греч. *logos* – «слово», «мысль»; *gramma* – «буква», «черта», «написание»):

(4a) [*постулирование идеи...*] [*пояснение (постулата)...*].

Данная формула означает, что переводчик словно входит в сознание автора ИТ, конструирующего будущую фразу именно таким метонимическим способом. Разумеется, на этапе формирования логической структуры речевого фрагмента нельзя полагаться лишь на ее форму и содержание. При ее построении задействуется

и контекст, особенно если речь идет об американской пунктуации: как показывает практика, интуитивный подход к пунктуированию текста приводит к тому, что такие пунктограммы нередко идут вразрез с принятыми пунктуационными нормами. Следовательно, полагаться только на пунктограмму взятого фрагмента не следует – необходимо анализировать все смысловое наполнение.

3. *Формирование искусственной прагматической версии-2, адаптированной под адресата.* Данный подэтап соотносится с определением структуры переводной фразы в соответствии с раскрытым смыслом, «раскодированными» отношениями между частями предложения. Порядок двух частей взятой нами в качестве примера фразы не обязательно изменять: ее логическая структура не чужда и русскому языку. Тем не менее, согласно правилам русского языка, перед частью предложения, которая раскрывает, поясняет предыдущую его часть, следует ставить двоеточие, а не тире, как это сделано в англоязычном оригинале. Таким образом, получаем логограмму переводной фразы следующего вида:

(4б) [*постулирование идеи...*]: [*пояснение (постулата)...*].

В результате мы получаем некую «сублимированную» структуру, остов будущего высказывания, который должен направлять переводчика на этапе овнешнения обработанной информации.

4. *Вербализация спрогнозированной значимости средствами ПЯ с опорой на полученный пунктуационный остов.* В результате проделанных операций мы получаем следующую фразу на русском языке:

(4в) *В этом городе, прозванном «Северной Венецией», вы всегда будете окружены водой: треть его площади состоит из каналов.*

Рассмотреть работу модели в обратном направлении – при переводе с русского

языка на английский – можно на примере предложения с интерферирующим потенциалом, начинающегося с обстоятельства:

(5) Для заключительного анализа общей выживаемости с учетом 347 случаев смерти (75% случаев) односторонний уровень значимости составит 0,0183.

Данное предложение содержит распространенное обстоятельство цели, выраженное существительным с предлогом (Для заключительного анализа... 75 % случаев). Согласно пунктуационной норме русского языка, оно не обособляется. В нашем примере обстоятельство выражает некое ограничительное условие применения указанного уровня значимости. Получим из нашего предложения логограмму следующего вида:

(5a) [(ограничение) рема].

Заметим, что мы намеренно не составляем полноценные схемы предложений, как это делают на уроках русского языка в школе: наша задача – определить пунктограмму конечной, переводной фразы, поэтому в процессе обработки входного фрагмента мы акцентируем внимание только на тех его элементах, которые представляют интерес с этой точки зрения. В данном случае простое неосложненное предложение не должно вызвать иных, кроме обозначенной выше, трудностей.

Определившись со структурой русскоязычного предложения и отметив про себя границы ограничительного условия, решим, где в переводном предложении поместить это условие. Если в начале предложения, то в переводе мы будем передавать его с помощью английской *introductory phrase*. Подобные фразы в начале предложения, как правило, обособляются, особенно если учесть, что ядром высказывания служит не это ограничительное условие, а показатель уровня значимости.

Соответственно наша довербальная структура принимает следующий вид:

(5b) [(ограничение), рема].

Переводим нашу фразу, опираясь на полученную логограмму:

(5b) For the final analysis of OS assuming 347 deaths (75% maturity), the 1-sided significance level applied will be 0.0183.

Получив вербализованный вариант, возвращаемся к вопросу обособления вводной конструкции: справочник рекомендует нам не отделять ее запятой, если она начинается с предлога. Поскольку в своем переводе во вводной конструкции мы использовали два предлога (*for* и *of*), запятую мы все же сохраняем [11, с. 55]. Самое главное, как и в случае с примером (2a), запятая в конце *prepositional phrase* отделяет менее важную информацию от ремы.

Не следует полагать, что такой подход к переводу уводит переводчика в сторону большей формализации процесса, добавляя лишний этап работы: в первую очередь он упорядочивает и алгоритмизирует довербальный этап работы со смысловыми единицами и логическими связями между ними в рамках выбранного фрагмента.

Как мы убедились на анализе функционирования двух знаков в определенных условиях, порядок работы с пунктуацией на логико-прогностическом уровне и уровне овнешнения, а затем при переходе из системы адресанта в систему адресата несколько разнится в зависимости от направления перевода. Связано это с разной логикой пунктуирования в английском и русском языках: если мы пройдемся по русским и американским справочникам по правописанию, то увидим, что правила расстановки знаков препинания группируются нетождественно, разветвляясь в разных направлениях, при этом аналогичные ветви могут иметь неодинаковое количество ответвлений у разных языков, и эти ответвления, в свою

очередь, тоже неидентичны. К тому же, русская пунктуация еще сохраняет более нормативный, прескриптивный характер. Английская (в частности, рассматриваемый здесь американский вариант) пунктуация больше направлена на читателя, на правильное понимание прочитанного, и поэтому более прагматична.

Немаловажную роль играет строй самих языков: зачастую знаки препинания в английском предложении необходимы именно потому, что их отсутствие может вызвать путаницу или изменить значение всей фразы вообще. К проблемам понимания приводят и «неуместные» знаки препинания. Яркие примеры фраз, где смысл может в корне измениться только из-за запятой, собрала в своей книге Л. Трасс:

No dogs please – No dogs, please («Собаки не приносят удовольствия» – «Вход с собаками воспрещен»).

He shot himself as a child – He shot, himself, as a child («Он застрелился в детстве» – «В детстве он сам занимался стрельбой»)[12].

Строю русского языка, наличию гораздо большего количества словоформ мы обяза-

ны тем, что запятые в нем бывают категоричны не так часто и не в такой степени. Тем не менее и в нем есть фразы наподобие всем известной «Казнить (,) нельзя (,) помиловать».

Заключение

К пунктуации нельзя относиться как к универсальной для всех или даже для некоторых языков категории. Правильное оперирование пунктуационными знаками помогает структурировать мысль, «привести в порядок» отношения между частями текста, что на следующем этапе – овнешнении фрагмента мысли в телах языкового знака – облегчает процесс изложения полученного смысла, делая его более стройным и «укладывая» его в определенном порядке. Поэтому при моделировании перевода и обучении будущих переводчиков необходимо уделять должное внимание работе с такими моделями пунктуации. Предложенный нами алгоритм призван способствовать решению этих задач и предотвращению интерференции на уровне пунктуации.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь / под общ. ред. Г.Н. Шелогуровой. М.: Лабиринт, 1999. 352.
2. Дашиинимаева П.П. Психолингвистическая модель перевода значимости // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. 2017. № 3. С. 188–192.
3. Дашиинимаева П.П. Теория перевода. Психолингвистический подход: учебник. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 360 с.
4. Дашиинимаева П.П. Философия языка и теория значения. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного ун-та, 2010. 248 с.
5. Демидова З.В. Интерпретационный потенциал знаков препинания в тексте // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2 (40). С. 69–71.
6. Кондратьева Е.О. Пунктуационные ошибки в переводе, обусловленные обратной интерференцией иностранного языка на родной переводящий язык // Проблемы теории, практики и методики перевода: сб. науч. тр. Сер.: Язык. Культура. Коммуникация. Н. Новгород: НГЛУ, 2017. Вып. 20, т. I. С. 117–123.

7. Крутобережская А.С., Солдатова Я.В. Интерференция как объект исследования психолингвистики // Инновационная наука. 2015. № 7. Т. 2. С. 53–56.
8. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: на материале английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 43 с.
9. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 448 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. В. Резника, А. Погоняйло. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
11. Straus J., Kaufman L., Stern T. The Blue Book of Grammar and Punctuation. San-Francisco: Jossey-Bass, A Wiley Brand, 2014. 201 p.
12. Truss L. Eats, Shoots and Leaves. The Zero Tolerance Approach to Punctuation. L.: HarperCollins Publishers, 2003. 252 p.

Literatura

1. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech' / pod obshch. red. G.N. Shelogurovoj. M.: Labirint, 1999. 352.
2. Dashinimaeva P.P. Psiholingvisticheskaya model' perevoda znachimosti // Vestnik TvGU. Ser.: Filologiya. 2017. № 3. S. 188–192.
3. Dashinimaeva P.P. Teoriya perevoda. Psiholingvisticheskij podhod: uchebnik. Ulan-Udeh: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2017. 360 s.
4. Dashinimaeva P.P. Filosofiya yazyka i teoriya znacheniya. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosudarstvennogo un-ta, 2010. 248 s.
5. Demidova Z.V. Interpretacionnyj potencial znakov prepiniyani v tekste // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2011. № 2 (40). S. 69–71.
6. Kondrat'eva E.O. Punktucionnye oshibki v perevode, obuslovlennyye obratnoj interferenciej inostrannogo yazyka na rodnoj perevodyashchij yazyk // Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda: sb. nauch. tr. Ser.: Yazyk. Kul'tura. Kommunikaciya. N. Novgorod: NGLU, 2017. Vyp. 20, t. I. S. 117–123.
7. Krutoberezhskaya A.S., Soldatova Ya.V. Interferenciya kak ob'ekt issledovaniya psiholingvistiki // Innovacionnaya nauka. 2015. № 7. Т. 2. S. 53–56.
8. Minchenkov A.G. Когнитивно-эвристическая модель перевода: на материале английского языка: автoref. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 43 с.
9. Pirs Ch.S. Izbrannyye filosofskie proizvedeniya / per. s ang. K. Golubovich, K. Chuhrukidze, T. Dmitrieva. M.: Logos, 2000. 448 s.
10. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu / per. V. Reznika, A. Pogonyajlo. SPb.: Petropolis, 1998. 432 s.
11. Straus J., Kaufman L., Stern T. The Blue Book of Grammar and Punctuation. San-Francisco: Jossey-Bass, A Wiley Brand, 2014. 201 p.
12. Truss L. Eats, Shoots and Leaves. The Zero Tolerance Approach to Punctuation. L.: HarperCollins Publishers, 2003. 252 p.